

16. Герой

Это немыслимо.

Отправляясь в Деревню Скрытого Дожда, Обито перебирал в голове наихудшие исходы. Полмесяца — огромный срок. За это время Какаси мог скончаться от полученных ран или не выдержать пыток в застенках Акацуки. Мог оказаться прав и Орочимару, утверждавший, будто тот испустил дух ещё в лапах Тоби. Обито морально готовил себя к худшему: даже если Какаси мёртв, он обязан забрать его тело и вернуть в Коноху, чтобы предать родной земле.

Но жестокость реальности превзошла самые мрачные ожидания.

Невозможно... Чушь, бред, вражеское гендзюцу! Где-то здесь кроется ошибка...

Вот только «невозможность» как раз и была единственной правдой. Шаринган не станет лгать своему хозяину. Обито отчётливо видел седовласого юношу на высоком помосте, различал каждую мелочь: смертельную бледность, опустошённое лицо и жуткие глаза, в которых угасли привычный блеск и жизнь, уступив место беспросветной мертвечине. Обито казалось, будто его взор проникает сквозь плоть и ткани прямо к извечному источнику жизни — растерзанное сердце покоилось в грудной клетке, застыв навеки.

«Одно из проявлений Риннегана — управление трупами. Мертвецы наделяются частью его мощи и делят общий обзор с кукловодом, оттого их глаза и принимают образ Риннегана. Зашифрованное послание Дзирайи-сама "Настоящего среди них нет" означало именно это».

Своя пелену оцепенения Обито вспомнил рассказ Рокея о битве с Пейном. Тогда эти слова казались лишь свидетельством чудовищной силы легендарных глаз, и Обито радовался, что ценные сведения добыты заранее. Кто же мог знать, что вскоре ему самому придётся познать весь ужас этой способности — сжимать в кулаке жизнь и смерть.

— Так вот на что... способен Риннеган? — голос Дзирайи слегка дрогнул, подтверждая страшную догадку.

— О? — Тоби чуть склонил голову набок. — А ты сведущ. Впрочем, иного от Легендарного Саннина я и не ждал... Настоящая кость в горле.

— Так вот зачем тебе нужен был Какаси? — Дзирайя взял себя в руки, крепче сжав кулаки. — Убить его и превратить тело в марионетку против нас?

Глава Акацуки помедлил с ответом.

— Думайте что хотите. Сути дела это не меняет: имеем то, что имеем.

Он не успел договорить. Из-за спины Обито метнулась тень. Едва остальные успели осознать происходящее, силуэт уже преодолел расстояние до помоста и в прыжке обрушил обнажённый клинок на Тоби. Скорость была колоссальной — даже с взведённым Шаринганом Обито уловил лишь смазанный росчерк.

Дзинь!!

Два коротких клинка столкнулись, выбивая сноп ярких искр и наполняя зал лязгом.

Тоби не шелохнулся и не отступил. Он остался на месте, но перед ним в самый последний миг возник Какаси, приняв на себя всю мощь удара собственного отца.

—... — Сакумо молчал. Его глаза налились кровью, но лицо оставалось каменным — ни тени боли, ни вспышки гнева. Белый Клык Конохи взирал на сына; на мгновение в его взгляде мелькнула невыносимая скорбь, но тут же потонула в ледяной сосредоточенности опытного бойца.

Он был закалённым в боях синоби. И прекрасно понимал, что требуется сделать прямо сейчас.

Внезапный выпад Сакумо разрушил хрупкое оцепенение, мгновенно переводя всех в боевую готовность.

— Вы двое, осторожнее! — крикнул Дзирая, стремительно складывая печати.

Обито и Рин сработали без промедления. Девушка отскочила назад, занимая безопасную позицию, а Обито рванулся вперёд, целясь на тот же помост.

— Кисаме, свяжи Дзираю. Девку не трогай, — Тоби на мгновение задержал взгляд на Рин и тут же отвернулся. — Иррёнин на таком поле боя — пустое место. А с мальчишкой Утиха я справлюсь сам.

Договорив, он растворился в пространственной воронке и в следующую секунду перегородил дорогу Обито.

— Трогательное воссоединение отца и сына... Нам, посторонним, лучше им не мешать, верно?

Бум!!

«Водяная акуля торпеда» Кисаме столкнулась с «Жабьей пушкой» Дзираи. Грохот заложил уши. Схватка стихий породила густой пар, скрыв от глаз бьющихся на возвышении отца и сына Хатаке. Как бы ни разрывалось сердце Обито, прорваться наверх прямо сейчас он не мог.

Он впился взглядом в Тоби, ощущая, как яд лютой ненависти разъедает грудь.

— Я убью тебя! — прорычал он, и его Шаринган вспыхнул ало-кровавым огнем. — Ты натворил столько зла, что и тысячи смертей будет мало!

— Как будто тебе это под силу, — усмехнулся Тоби, глядя ему в глаза. — Думаешь, обрёл Мангекё и стал всемогущим? Наивный дурак. Я покажу тебе, как на самом деле нужно использовать пространственно-временные техники!

Печать Тигра замерла в пальцах.

— Стихия огня: Дикий танец взрывного ветра!

— Камуи!

Спиральный огненный смерч с рёвом устремился к Обито, но беспрепятственно проскочил сквозь его тело. В правом глазу Обито закружилась воронка, и из измерения Камуи вылетели огромные сюрикены, со свистом устремившись в маску врага.

Точно такой же результат. Нападающий и защищающийся словно отражали друг друга в зеркале. Обито не намеревался сдаваться — поняв, что сюрикены бесполезны, он тут же задействовал левый Мангекё, фокусируя взор на шее Тоби, чтобы скрутить и оторвать ему голову. Но враг без труда нейтрализовал атаку собственным правым глазом.

По щеке Обито скатилась капля пота. Он глубоко вдохнул, пытаясь унять сбившееся дыхание. Чакра таяла на глазах. Одно дело — тренировки с Рокеем, и совсем другое — реальный бой, где Мангекё пожирал жизненную силу с пугающей скоростью. Враг же напротив стоял абсолютно спокойно, будто происходящее не стоило ему ни малейших усилий.

— Бесполезно, — произнёс Тоби. — Я не могу ранить тебя, но и ты бессилён против меня. Чрезмерное использование Мангекё ведет к слепоте. Ты ведь знаешь об этом?

— А ты будто нет?! — огрызнулся Обито. — Этот глаз даже не твой, ты ослепнешь куда быстрее!

Под маской Тоби едва заметно расширил глаза, проявив легкое изумление, но тут же взял себя в руки:

— Я отличаюсь от тебя.

— Чем это?! Оба из плоти и крови! Или возомнил себя Мудрецом Шести Путей?!

— Кто знает... Может, и так.

Обито замер. Тоби резко поднял руку, указывая на него, и его голос обрел стальную жесткость:

— Не смей ставить меня на один уровень с собой, Утиха Обито. Между нами пропасть — и в силе, и в понимании мира. Тебе ее не преодолеть до конца дней. Я видел самую смердящую, гнилую изнанку этого бытия, пока вы, слепые глупцы, гордо именуящие себя синоби, служите одновременно и жертвами этой системы, и ее палачами!

— Бред собачий! — Обито решительно взмахнул рукой. — Ты сеешь хаос и губишь людей, а виноват кто-то другой?!

— Это неизбежная плата за абсолютный покой, — остался непреклонен Тоби. — Не переживай, когда всё закончится, Какаси...

Сзади донёсся свист рассекаемого воздуха. Обито вздрогнул и инстинктивно кувыркнулся влево, едва увернувшись от рушащегося сверху клинка.

—...воссоединится с вами, — закончил мысль Тоби.

Обито стремительно вскочил на ноги.

—... Какаси!

Управляемый труп выпрямился и уставился на него пустым, мёртвым взглядом. На полураспахнутом плаще Акацуки виднелись свежие порезы, но все они были поверхностными. С лезвия Белого Клыка бесшумно капала свежая кровь.

У Обито всё похолодело внутри.

— Что ты... сделал с Сакумо-саном?! Какаси, остановись!

Какаси заговорил — сухо, безжизненно, словно механическая кукла:

— Думаешь, мертвец тебя услышит?

Обито с дикой яростью впился взглядом в Тоби:

— Заткнись... Не смей говорить его ртом!

Тоби с глухим смешком исчез в пространственной воронке, а Какаси, сжав короткий меч, рванулся к Обито. Тот едва успел отпрянуть — лезвие рассекло жилет на груди.

«Нельзя уходить в фазирование... Тоби сейчас в измерении Камуи, я просто подставляюсь под удар! Но если не рискнуть...»

Сталь с гулом рассекла воздух. Какаси вместе с мечом проскочил сквозь тело Обито. Обито мгновенно развернулся, сбросил бестелесность и сзади мёртвой хваткой вцепился в Какаси, не давая развернуться.

«Как же ты исхудал за эти дни...» — первая же мысль отозвалась в душе Обито жгучей горечью.

Серебряноволосый синоби в его руках отчаянно забился, пытаясь вырваться. Обито опомнился и сжал объятия еще сильнее. Нужно дотащить его до учителя Дзирайи, спрятать в чреве жабы с помощью техники укрытия, и тогда контроль Тоби спадёт. А когда они вернутся в Коноху, то обязательно что-нибудь придумают...

Вспышка дикой боли под рёбрами оборвала ход мыслей. Даже скованный по рукам и ногам, Какаси ухитрился перехватить меч обратным хватом и снизу вверх вонзил его в Обито. Обито стиснул зубы, не разжимая рук, но на ладони Какаси уже заплескали синеватые искры.

Разряд!!

Мощнейший удар током и адская боль от ожога заставили Обито разжать пальцы. Обливаясь кровью, он отшатнулся назад, судорожно уворачиваясь от града яростных атак.

«Надо остановить его... Времени нет!»

Узор левого глаза закружился. Обито сфокусировал взор на запястье Какаси, сжимающем рукоять, но так и не решился спустить курок техники.

В памяти вспыхнул образ этой руки — живой, тёплой. Изябшие длинные пальцы, умело складывающие печати, выводящие иероглифы, стряпающие обед, ловко вращающие кунай. Обито вспомнил её суховатое, прохладное прикосновение с лёгкими мозолями и то, как от этого касания бешено колотилось его собственное сердце...

— Стихия земли: Стена из грязи! — выкрикнул Какаси, со всей силы ударив ладонью по полу.

Массивная каменная преграда со скрежетом поднялась из земли, сбивая Обито с ног. Прежде чем он успел уклониться или уйти в фазирование, Какаси уже совершил выпад — Райкири в его руке гудел смертоносной молнией...

Хлюп.

Смертоносная ладонь замерла в каком-то полудюйме от лица Обито. Какаси застыл. С его лица сбежала мертвенная пустота, уступив место глубокому изумлению, и он медленно опустил взгляд.

Из его груди, пробив сердце насквозь, торчало окровавленное острие меча.

Какаси медленно повернул голову назад, встречаясь взглядом с человеком, державшим рукоять.

—... Отец?

Сакумо выглядел скверно. На груди зияла колотая рана, одежда промокла от крови, дыхание прерывалось тяжелыми хрипами. Но пальцы, сжимавшие клинок, лежали ровно и твёрдо.

— Ты не Какаси, — произнёс он низким, гулким голосом. В его глазах, обращённых к мёртвому сыну, пылал неистовый огонь. — Мой сын — гордый синоби Конохи. Он отдаст жизнь за товарищей и деревню, но никогда не поднимет оружие на близкого.

— Я больше не стану сомневаться. Слышишь? Сейчас ты — всего лишь вражеская железяка. А оружие врага... должно быть уничтожено!

С этим рыком Белый Клык крутанул рукоять, намереваясь рассечь тело сына надвое. Но клинок вдруг со свистом проскочил сквозь плоть, не причинив ей вреда. Из-под земли вынырнул Тоби, подхватил Какаси за лодыжку и, передав ему бестелесность, отпрыгнул назад, увлекая марионетку за собой на помост.

Сакумо не бросился вдогонку. Свободной рукой он стремительно сложил печать. Наблюдая за взлетающими в воздух фигурами, он сжал губы в бескровную нить.

— Секретная техника: Поражающий гром!

Короткий меч в его руке вдруг вибрирующе загудел. На глазах изумлённого Тоби из всех ран на теле Какаси вырвались слепящие вспышки молний —

БАМ!!

Громовой разряд потонул в клубях дыма. Впрочем, секундой позже темный силуэт вырвался из завесы и грузно опустился на помост. Кисаме и Дзирая прекратили схватку: мечник Тумана отступил к лидеру, а Саннин поспешил к Сакумо и Обито.

— Старший Сакумо! Обито! — подбежала Рин. Ее ладони уже светились зеленым светом Техники Мистической Ладони. Но оба раненых даже не взглянули на свои увечья, приковав взоры к помосту.

Тоби выглядел паршиво — хоть одна атака достигла цели. Плащ Акацуки и одежда под ним превратились в рваное месиво, сквозь бинты на рёбрах сочилась кровь. Но серьёзных увечий он избежал, если не считать снова оторванной правой руки — судя по всему, он пожертвовал ею, чтобы принять на себя основной удар.

Впрочем, куда сильнее поражало другое: в такой смертельной кутерьме он всё равно не бросил Какаси, удержав его при себе.

Самому же «человеческому снаряду» досталось куда сильнее. Какаси полностью утратил способность двигаться и немощно висел в левой руке Тоби, словно поломанная кукла, а его рука была вывернута под неестественным углом. Сквозь развороченную рану на груди отчетливо проглядывал вбитый глубоко в плоть чёрный штырь.

— Неплохо, Белый Клык Конохи... — холодный голос Тоби пропитался лютой яростью. — Ради деревни ты готов расправиться даже с трупом собственного сына?

— Именно ради Какаси он так и поступил! — отрезал Дзирайя. — Тварям вроде тебя, умеющим лишь сеять вражду и смерть, этого никогда не понять!

— Если бы... Какаси мог видеть нас из Загробного мира, он бы ни за что не пожелал, чтобы его останки использовали во вред тем, кто ему дорог, — тихо проговорил Сакумо. Рука, активировавшая технику, сжалась так, что побелели костяшки. — Я знаю своего сына... Будь он жив и попади в твои лапы, он скорее насадил бы себя на мой меч, чем стал твоим послушным псом!

— Насадил бы себя на твой меч? — голос Тоби неожиданно преломился. Он умолк на секунду и вдруг зашелся хриплым, сухим хохотом, в котором не было и капли веселья — лишь беспросветная, ядовитая злоба. — Да... Именно так! Этот мир сгнил до самого основания, раз в нём возможны подобные зверства! Именно поэтому я смету этот уродливый порядок! Я уничтожу все скрытые деревни, привыкшие жировать на чужой крови и костях, и создам новый, идеальный мир!

Сакумо повысил голос:

— Я не знаю, через какой ад ты прошёл, раз возымел такую ненависть к собственной родине и всему свету! Но если ты дерзнёшь посягнуть на Коноху — каждый из нас встанет на её защиту и будет биться до последней капли крови!

Тоби мгновенно остыл. Из-под маски донёсся ядовитый смешок:

— И это слышать из твоих уст?.. Какая ирония, Сакумо Хатаке.

Заметив замешательство на лице Белого Клыка, он не стал развивать тему. Вместо этого осторожно уложил тело Какаси на пол и сел рядом.

— Что ж... Раз выпала такая редкая возможность, я расскажу вам одну историю.

История? Синоби Конохи переглянулись, не понимая, к чему он клонит.

— Это случилось очень давно, — заговорил Тоби. — В одной скрытой деревне жил великий синоби. Один из лучших воинов своего времени, прошедший сквозь пламя сотен битв. Его имя гремело по всему миру, его уважали, им восхищались... Он был настоящим героем. И был у него маленький сын, который боготворил отца больше всего на свете, мечтая стать на него похожим.

— И вот однажды этому отцу поручили невероятно важное и сложное задание. Но в самом разгаре миссии он столкнулся с невыносимым выбором: довести дело до конца или спасти товарищей, оказавшихся на грани гибели.

Лицо Сакумо мертвенно побледнело. Впрочем, из-за потери крови это едва ли бросалось в глаза. Остальные же, затаив дыхание, слушали Тоби и ничего не заметили.

— Закон синоби суров: ради успеха миссии ты обязан пожертвовать кем угодно, — в голосе Тоби засквозила ядовитая насмешка. — Но тот герой выбрал жизнь своих людей. И разумеется, заплатил за это сполна: заказчик понёс огромные убытки, а на деревню обрушился шквал обвинений. И тогда те самые люди, что ещё вчера пели ему дифирамбы, в один миг отвернулись от него. Его проклинали, смешивали с грязью... Даже тот самый соратник, которого он спас ценой своей чести, присоединился к общей травле.

— Пройти путь от национального героя до презираемого всеми «мусора» оказалось проще простого.

— В конце концов, не выдержав позора, этот человек покончил с собой. В собственном доме, где должен был быть в полной безопасности. Он обрёл покой, но что стало с его сыном? Каково было ребенку увидеть отца, лежащего в луже собственной крови? Его кумир, поставивший жизнь товарищей выше правил, погиб с позором. Увиденное растоптало всю его веру, заставило замкнуться в себе и слепо зацепиться за правила. Но деревне было плевать. Всё, что её волновало, — сможет ли этот мальчик стать столь же острым клинком, послушным орудием убийства, готовым безропотно проливать кровь ради её интересов до самого конца! Вот что такое ваша хвалёная деревня!

К концу речи лидер Акацуки сорвался на рык, и его обвиняющий голос долго эхом отдавался под сводами зала.

Воцарилась гробовая тишина. Наконец Дзира́йя перебил его:

— Не понимаю, к чему ты всё это клонишь.

— Это начало всего, — Тоби поднялся на ноги. — Когда-то один глупый мальчик считал того человека героем. Но позже он понял: пока существует эта сгнившая система синоби, любого героя рано или поздно сбросят с небес в грязь, превратив в ничтожество, чья жизнь полна боли и сожалений. Пора положить этому конец. Акацуки созданы ради того, чтобы выжечь эту скверну дотла, и никому нас не остановить!

Ещё во время его речи по залу разнёсся странный шорох. Оглядевшись, четвёрка из Конохи увидела, как из всех проходов к ним ползут тучи странных белых насекомых, похожих на саранчу. Едва Тоби умолк, глиняные твари дружно взмыли в воздух, падая на них сверху.

— Ха!

— Камуи!

— Игольчатый Дзидзо!

Крики слились воедино с грохотом сплошного взрыва. Зал затопило густым дымом, скрывшим синоби Конохи.

Сверху плавно опустилась гигантская глиняная птица. Сидевший на ней Дейдара снисходительно кивнул:

— А они не промах, эти из Листа. Да-а.

Со свистом с верхотуры спрыгнули ещё три фигуры. Ловко самортизовав о стены, на платформу возле Тоби приземлились Сасори, Какудзу и Хидан. Дейдара спрыгнул с птицы и встал рядом с ними.

Когда дым рассеялся, взорам присутствующих предстал Дзира́йя, укрывший всех коконом из собственных оструганных волос, и Обито, удерживающий Сакумо и Рин. Все четверо были в копоти, но серьезно не пострадали.

— Дейдара из Деревни Скрытого Камня, Сасори из Деревни Скрытого Песка, Какудзу из Деревни Скрытого Водопада, Хидан из Деревни Скрытого Горячего Источника... Дело дрянь, — Дзира́йя быстро оценил обстановку. — Четверо против шестерых, шансов нет. К тому же ещё троих не видно, наверняка сидят в засаде. Как ни прискорбно, надо отступить. Возражения есть?

Сакумо молча опустил голову. Рин прикусила губу и кивнула. Дзирая перевёл взгляд на последнего:

— Обито!

Обито процедил сквозь зубы:

—... Понял.

Маленькая жаба, прятая за пазухой Дзираи, испарилась с легким хлопком.

— Кончайте с ними, — устало приказал Тоби.

В ту же секунду сработала Обратная техника призыва. Обито ощутил мощный рывок назад, и белая пелена дыма застилала взор.

Последнее, что он успел увидеть перед тем, как покинуть Деревню Скрытого Дожда, — как Тоби бережно подхватил тело Какаси на руки и медленно шагнул в темноту.

<http://bllate.org/book/19560/1933731>